

Содержание

<i>Глава первая. Простые действия.....</i>	<i>5</i>
<i>Глава вторая. Восстание.....</i>	<i>21</i>
<i>Глава третья. Рецепт дерзости.....</i>	<i>41</i>
<i>Глава четвертая. Презрение .....</i>	<i>59</i>
<i>Глава пятая. Настоящие люди.....</i>	<i>75</i>
<i>Глава шестая. Период полураспада.....</i>	<i>89</i>
<i>Глава седьмая. Государственные дела .....</i>	<i>111</i>
<i>Глава восьмая. Любовный треугольник.....</i>	<i>125</i>
<i>Глава девятая. Сагринские хроники.....</i>	<i>145</i>
<i>Глава десятая. Заложники.....</i>	<i>159</i>
<i>Глава одиннадцатая. Разгром.....</i>	<i>173</i>
<i>Глава двенадцатая. Мэр.....</i>	<i>181</i>

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Простые действия

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Серовский тракт ведет от Екатеринбурга на Север. Дорога прямая и новая. Но если вы будете ехать по ней достаточно долго, минуете Невьянск, Тагил, дорога исчезнет, растворится в болотах. Без вездеходной резины и без лебедки вы вряд ли прорветесь отсюда на Чердынью и Архангельск. А на Лабытнанги и Салехард не прорветесь даже и с лебедкой по разбитым проселкам и сгнившим гатям. Великие болота.

Здесь водораздел. Чуть западнее все реки текут в Россию. Отсюда все реки текут уже на Восток, в Сибирь, в Обь, к Ледовитому океану. Но реки непроходимее дорог, перекрыты буреломами и порогами, мчатся в скальных расщелинах или останавливают свое течение, впитавшись в бурю губку великих болот.

Эти болота когда-то были озерами. По берегам селились вогулы — воинственный и колдовской народ, пор и мось — кареглазые потомки медведя и сероглазые потомки бабочки. Отрядами по двести–триста луков они шли на легких лодках от озера к озеру в поисках новых охот и рыбных ловель, а медведь и бабочка смотрели на них из чащи. И они враждовали с русскими, когда русские пришли сюда добывать

железо. Железное оружие русских оказалось сильнее вогульских луков. Распятый бог, которому поклонялись русские, оказался сильнее бабочки и медведя. Люди (слово «манси» на языке вогулов значит просто «люди») отступали все дальше на Север и исчезали среди болот.

Русские тоже отступали все дальше в чашу. Великий русский царь обезглавил Церковь, отменил патриаршество, подновил обряды в угоду своей политике, а русские, которые селились здесь, были старообрядцами — не брили бороды, не прикасались к спиртному и часто изображали на своих иконах усекновение главы Иоанна Крестителя. Креститель у них был облачен в патриаршеские ризы, а палач был безбород и имел портретное сходство с Петром Великим. Еще на здешних иконах часто писали Илью-пророка, как тот возносится к небу на огненной колеснице. Всякий старообрядец, всякий, крестившийся щепотью, а не троеперстием, знал, что так изображается гарь. Всякий раз, когда правительственные войска приходили сюда насаждать церковные новшества, местные люди запирали себя целыми селами в деревянных храмах и поджигали — верный способ спастись.

Поселения старообрядцев были богаты. Хотя бы по той причине, что не было водки, а зато были железо и золото. Железа было так много, что даже церковные паперти мостили здесь чугунными плитами, а не каменными. И если где-нибудь в Европе, в каком-нибудь дворце или церкви вы увидите чугунные литые ступени, то ищите на них здешнее клеймо.

И золото здесь мыли всегда. Здешнюю невянскую икону вы легко отличите по обилию золота. Невьянск был богатым городом, пока не сгорел дотла перед самой революцией

1917 года, чтобы уж больше не возродиться в былой славе. Но золото моют до сих пор.

Когда вы едете в сторону Невьянска по Серовскому тракту, когда проезжаете по деревням, когда видите приземистые старообрядческие избы с повалами, выносными балками, на которых лежат козырьки, закрывающие стены от дождя, — знайте, что в каждой такой избе могут мыть золото. Это незаконно. Согласно закону артели старателей должны мыть золото строго по лицензии государства. Но люди здесь моют золото без лицензий в собственных погребах. Какие бы ни были законы, здесь, если вы нашли у себя в погребе золотоносную жилу, вы все равно будете каждый день спускаться под пол с лопатой, лотком и фонарем. Таков Урал.

Здесьний уклад жизни, замешанный на дерзости и кладоискательстве, даже революция и советская власть не смогли подорвать вполне. Раскулаченные старообрядцы, хоть и ходили по деревням с котомками, как нищие, но не просили милостыни. Просто становились под окнами своих гонителей и молча глядели в окна то ли с упреком, то ли с угрозой. И если им подавали краюшку отнятого у них же хлеба, они благодарили. А если не подавали, то уходили молча, закинув котомку на плечо, — в город, на заводы.

Заводы здесь тянули к себе людей и при Екатерине, и при Николае, и при Сталине. Но особенно мощным притяжением здешних заводов сделалось во время Второй мировой войны. К местным прибавились заводы, эвакуированные из Украины и центральной России, заводы, возведенные в рекордные сроки на пустошах. Они делали танки, пушки, снаряды, ракеты, самолеты, и их непрерывный лязг звал людей настойчивее, чем медведь и бабочка когда-то звали

вогулов странствовать от озера к озеру. Любых людей, всех людей без разбора. Лесных охотников, крестьян, сеявших рожь, расконвоированных эков, инженеров, переживших дело промпартии. Эвакуированные приезжали целыми эшелонами. Заключение шли целыми колоннами. Старобрядцы — целыми деревнями: собирали иконы, складывали в лучшей избе и шли всем миром в огненные цеха точно так же, как двумястами годами раньше возносились всем миром в огне на небо.

Разные люди, не то чтобы не имевшие прошлого, но не говорившие о прошлом, поскольку лучше не вспоминать. И не спрашивавшие друг друга о прошлом. Раскулаченный? Так тут каждый третий раскулаченный. Член семьи врага народа? Да бывают ли другие семьи? Преступник? Каторжник? Так тут в великих болотах лагерей больше, чем городов. Половина — каторжники, если разобраться, но разбираться не стоит.

Здесь на Урале во время большой войны люди без роду и племени сложились в новый народ. Национальность значения не имела, но это были люди руды, железа и золота. Религиозная конфессия тоже значения не имела, зато имела значение принадлежность к тому или иному заводу, важно было, живешь ли ты в кварталах Уралмаша или Эльмаша. Вечное уральское кладоискательство, принадлежность к той или иной ватаге старателей сменились туризмом и альпинизмом — было важно, к какой ты принадлежишь команде и в какие ходишь горы. Почетное сословие кормщиков, которые веками сплавляли уральское железо в утлых барках по бурным рекам, обратилось почетным сословием спортсменов, преодолевающих речные пороги на катамаранах и плотах. Было важно, сплавляешься ли ты по рекам.

Как еще эти приехавшие со всей страны люди с темным прошлым могли определить себя? Принадлежностью к руде, принадлежностью к заводу, принадлежностью к спортивной команде, к улице, к дому, ко двору. Двор Полстодва мог всерьез враждовать или союзничать с двором Рыба. В Еврейдворе евреев жило не больше, чем где бы то ни было, но особые обязательства уличного бойца накладывала на молодого человека принадлежность к Еврейдвору. Дворы могли враждовать, но уже само знание их названий делало человека своим в городе и отличало от чужих. Ценился особенный уральский говор. Пестовалась эндемичная топография: никто не назначал встреч у вокзала возле памятника танкисту и рабочему, назначали встречи «под варежкой», потому что рабочий — в рукавицах.

Из черт национального характера люди руды превыше всего ценили — дерзость.

Этнографы и социологи называют это горнозаводской цивилизацией Урала, пытаются объяснить, исследовать. Но если вы едете по Серовскому тракту из Екатеринбурга в Невьянск, вы чувствуете это задницей. Человек, управляющей машиной говорит:

— Сейчас прыгнем.

И вы чувствуете собственной задницей, что такое Урал. В этом месте шоссе круто поднимается на гору и потом резко идет вниз с горы. Если разогнаться до ста шестидесяти километров в час, машина на вершине горы оторвется от асфальта и пролетит пару десятков метров. И ваша задница оторвется от сиденья. А там как бог даст. Если водитель поймает дорогу, вы шлепнетесь на сиденье, испытаете укол счастья, скажете «ух ты!» и заметите, что двадцать секунд не дышали. Если машина сковырнется

в кювет, приедет гаишник, постоит над кучей вашего металлолома, почешет в затылке, пробормочет «еще один сковырнулся». Но ни один гаишник не задастся вопросом «Чего они все тут прыгают?». Они прыгают, потому что здесь можно прыгнуть, если разгонишься до ста шестидесяти километров в час. Гаишник и сам тут прыгает, когда выдается возможность. Все тут прыгают. Ради того, чтобы на двадцать секунд перехватило дыхание. Ради упоения собственной дерзостью. Такова «горнозаводская цивилизация Урала».

Человека, который был за рулем, когда машина оторвалась от асфальта, зовут Евгений Ройзман. У него и на бортах машины написано было «Ройзман». «Иду в мэры. Ройзман». Хотя и без этой надписи полгорода знает, что серая, посеченная гравием «Тойота Ленд Крузер» — Ройзмана. И что Ройзман идет в мэры.

Мы встретились утром в здании городского правительства, и он получил новенькое удостоверение кандидата в градоначальники. Потом мы вышли на улицу, и Ройзман окликнул трех проходивших мимо женщин лет шестидесяти:

— Здравствуйте, девушки!

И я подумал — вот сейчас оно начнется. Но женщины только заулыбались, поздоровались в ответ и прошли мимо. А Ройзман сказал:

— Понимаешь, Валера, женщины все, любого возраста любят, когда их называют девушками, — помолчал и добавил: — Но никогда нельзя окликать на улице женщину, если она идет одна. Вот если их несколько, и ты называешь их «девушки», им всегда нравится.

Потом мы пошли завтракать. Я едва впихнул в себя половину уральской порции каши, а Ройзман съел два завтрака

и выпил два кофе — эспрессо и американо, — смешав их вместе.

Потом мы сели в машину, выполнили поворот направо из второго ряда, и стоявший на углу гаишник лениво махнул жезлом.

— Это я сгрубил, да, простите! — сказал Ройзман, опуская стекло.

А гаишник пожал ему руку и буркнул на уральском диалекте:

— Давно вас не видел-то.

И я подумал, что вот сейчас оно начнется. Но Ройзман достал несколько брошюр с заднего сиденья и протянул гаишнику.

— Вот возьмите. Тут про все новые наркотики. Как называются, как выглядят. Как узнать, что ребенок колется. У вас есть дети? Прочтите и смотрите внимательно. И раздайте товарищам, у кого дети.

Гаишник взял брошюры, улыбнулся и махнул жезлом в том смысле, что можно ехать без всякого штрафа.

Потом мы прыгнули. Потом остановились купить несколько арбузов и дынь, а азербайджанский торговец подарил нам еще несколько в том смысле, что торгует тут бахчевыми культурами, а не героином.

Потом приехали в Быньги — большую старообрядческую деревню, посреди которой стоит несуразно большая для деревни церковь. Обшарпанное ее здание венчал сверкающий, только что отреставрированный купол со звездами.

Пружинистыми шагами, слишком легкими для пятидесятилетнего очень хорошо сложенного мужчины ростом под два метра и весом в сто килограммов, Ройзман поднялся по чугунным ступеням на чугунную паперть и вошел в храм,

не перекрестив лба. В левом приделе был стол, уставленный простой домашней едой, за столом сидел немолодой священник в светлых брюках и легкой рубашке, а вокруг стола суетились три старухи. Ройзман конечно же приветствовал их словами «здравствуйте, девушки», и старухи в ответ заулыбались. А снаружи на улице остановился автобус паломников, и Ройзман спросил священника, можно ли провести для этих людей из автобуса экскурсию по храму. И я подумал, что вот оно сейчас начнется. Поп улыбнулся и кивнул.

Сначала Ройзман просто говорил, а люди просто слушали. В одно ухо влетало, в другое вылетало. Имена иконописцев, даты. Неприметные детали, которые служили мастерам вместо подписи или авторского клейма: один, например, на всех своих иконах писал елочки — даже и в Гефсиманском саду, другой обязательно писал пенные волны — даже и посреди Иудейской пустыни. Люди слушали, пока один из них, наконец, собрался с духом и произнес:

— Можно вам руку пожать?

И тут началось: они хотели пожать руку, сфотографироваться, постоять рядом, обнять. Но главное, они заглядывали Ройзмону в глаза, как заглядывают дети, ожидая простых слов: «давай поиграем в прятки», «помоги-ка мне замесить тесто», «принеси-ка мне из мастерской долото». Ройзман фотографировался с ними, немного смущаясь, и, немного смущаясь, раздавал простые задания. Например, женщине, которая стояла с ним рядом, так, чтобы тыльная сторона ее ладони слегка касалась его руки.

— А вы пройдите по подъезду, расскажите соседям.

— Да все вас знают. Все вас поддерживают.

— А вы просто пройдите. Просто скажите, что Ройзман идет в мэры. А то, может, этого не знают.

— Как не знают? Ну, да, правда, по телевизору ведь не говорят. Пройду, конечно.

Эти люди, они столпились вокруг Ройзмана и были подобны птенцам, разевающим клювы и ожидающим корма. Каждый смотрел на Ройзмана и ждал от него какого-нибудь простого задания, которое хотя бы на несколько дней наполнило бы жизнь смыслом. И Ройзман раздавал задания: разнести по школам брошюры, прийти в Фонд, взять стикеры и раздать друзьям, записаться в волонтеры, поучаствовать через неделю в десятикилометровом кроссе по улицам Екатеринбурга.

В левом приделе тем временем мы со священником отцом Виктором пили чай, и батюшка рассказывал, как святой Николай-угодник много лет ждал, чтобы не кто-нибудь, а именно Евгений Ройзман с его страдальцами приехали сюда в Быньги восстанавливать храм. Батюшка так и сказал про молодых людей, которые здесь в реабилитационном центре у Ройзмана пытаются избавиться от наркомании, — страдальцы. А впрочем, говорил с улыбкой, и нельзя было понять, серьезен он или шутит, когда рассказывает о чудесном явлении Николая-угодника алтарнице Агриппине.

Этот храм Николая-угодника стоит в Быньгах двести лет. Никогда не закрывался. Храм не старообрядческий, но даже старообрядцы особо Николая-угодника почитают: принято думать, что это именно тот святой, который говорит царям правду. Дерзкий святой, уральский.

В советское время, когда церквей было мало, сюда в Быньги приезжали из Екатеринбурга, Тагила, Невьянска и со всех окрестностей. В праздники церковь бывала полна.

После перестройки церквей понаоткрывалось много, и быньговский храм опустел. Прохудилась крыша, осели

алтарь и главный иконостас, огромные, окованные железом печи прогорели изнутри, только видимость была, что печи, — топить их было нельзя. Зимой батюшка служил в валенках и в овчинном тулупе под рясой. Летом макал тряпки в масляную краску и этими липкими тряпками латал кое-как дыры в куполах. А денег на ремонт не было, и областное начальство, сколько бы батюшка ни обращался, все как-то миновало Быньги. Иконы сырели, золотая резьба трескалась, фрески осыпались, разрушалась кладка. И вот однажды, вырвав решетку, в церковь забрался вор, украл кое-какую утварь и кое-какие иконы, включая Угодника Николая. Вор этот был наркоманом, он надеялся продать украденное, купить ханки, героина или методона — других наркотиков в то время на Урале не было.

Алтарница Агриппина плакала. Она была совсем старуха, сидела дома и плакала. Как вдруг в ее избе словно бы из воздуха соткался старец, погладил Агриппину по плечу и сказал: «Не плачь, Агриппинушка, все будет хорошо». В ту же ночь два невяньских милиционера наугад остановили в электричке молодого человека с беспокойным взглядом, нашли у него в сумке пропавшую церковную утварь и икону, изображавшую того самого старца, что соткался из воздуха у Агриппины в избе. Икона заняла свое место, а еще через некоторое время приехал Синий.

Синий — так звали первого страдальца. Первого из наркоманов-реабилитантов Ройзмана, который приехал в Быньги. Он получил кличку Синий по той единственной причине, по которой получают люди на Урале эту кличку, — за татуировки. Не модные красочные татуировки, а простые синие, которые накалывают в тюрьме. Местные деревенские Синего приняли в штыки. Здесь и вообще-то чужих не любят,

а этот еще и наркоман. Терпели, потому что от Ройзмана. Уже тогда имя Ройзмана имело значение. Но не здоровались, хотя и заметили, что Синий починил в своем доме фундамент и поправил забор. А потом был пожар. Сильный. Не у Синего, а по соседству. И Синий потушил его еще до приезда пожарной команды — ловко орудовал ведрами и толково руководил еще двумя страдальцами. Наркоманов зауважали.

А когда вскоре приехал Ройзман и предложил отцу Виктору, чтобы реабилитанты реставрировали храм, батюшка догадался. Прозрел промысел. Угоднику Николаю, говорит батюшка, неуютно было, чтобы его храм восстанавливался на деньги начальства и силами гастарбайтеров. Промысел был в том, чтобы, восстанавливаясь, храм Николы-угодника в Быньгах восстанавливал страдальцев. Таких, как Гриша.

Пока батюшка рассказывал, Ройзман закончил свою экскурсию, со всеми сфотографировался, всем раздал маленькие задания, со всеми переговорил быстрой уральской скороговоркой, подошел к столу, принял от одной из «девушек» чаю и сказал:

— Батюшка, камни-то в основании иконостаса ребята отчистили. Надписи открылись. Оказывается, иконы не так висели. Надо бы перевесить-то.

— Перевесим-то, — батюшка улыбнулся, потому что вот и ему досталось от Ройзмана простое и очевидно полезное задание.

А Гриша, вероятно увидев из окон реабилитационного центра машину Ройзмана, вошел в церковь, поздоровался, но за стол не сел. Стоял поодаль. Тощий, тихий человек. Ждал.

Про этого Гришу Ройзман рассказывал мне уже давно. Он был наркоман. Жил в реабилитационном центре, убегал,

срывался, возвращался снова. А добившись, наконец, устойчивой трезвости, так и остался в реабилитационном центре жить. Идти ему было некуда. Постепенно на Гришу замкнулось в Быньгах все хозяйство: и реставрация храма, и воспитание вновь прибывших реабилитантов личным примером, и огород, и детский летний лагерь, и маленькая пасека.

Вот только Гриша кашлял. Логично было думать, что у него туберкулез. Здесь на Урале у большинства наркоманов ВИЧ. Люди у которых ВИЧ, оканчивают в России не как в Америке, не саркомой Капоши, а туберкулезом. Логично было думать, что и у Гриши туберкулез.

Ройзман позвонил главному фтизиатру города и отправил Гришу на обследование. А в день обследования звонил уже сам Гриша:

- Евгений Вадимович, у меня нет туберкулеза.
- Ну слава богу!
- У меня рак, — и повесил трубку.

Потом Гриша вышел из клиники на улицу. И первым, кого он встретил, был старый его приятель, по той, прошлой жизни, когда Гриша употреблял наркотики. Каким-то античудом приятель этот был жив, несмотря на то, что продолжал колотиться. И в тот день на пороге туберкулезной клиники у него были с собой наркотики. И он предложил Грише немедленно пойти куда-то и раскумариться вместе. Что уж было терять Грише, если все равно рак? Зачем воздерживаться от наркотиков, если все равно жизнь кончилась? Когда вам говорят, что у вас рак, вам становится страшно, и вы не знаете выхода. А Гриша знал выход — совершенное утление всех печалей по крайней мере на четыре часа. А там видно будет. Найти еще, и еще четыре часа покоя и счастья. Добыть, украсть, четыре дозы продаешь, пятая твоя.

Это был выход для человека, которому сказали, что у него рак.

Только на этот раз Гриша подумал, что вот перед ним стоит бес. Возможно, он так подумал, потому что батюшка Виктор много рассказывал ему про бесов. Про хитрые их искушения, в которых даже и укусная вонь притона может быть вожаделенной. А тут и хитрости не было. Вот стоишь на грани отчаяния, и подходит некто и предлагает тебе спасение на четыре часа — кто он? Бес!

Гриша побежал. Позвонил Ройзману и напoлучал тысячу заданий. Пройти такое обследование, сакое обследование, кровь, УЗИ, КТ, биопсия... Показаться такому врачу, этакoму врачу... Вместо иллюзии спасения на четыре часа — тысяча полезных действий, доступных человеку, которому сказали, что у него рак. Эту историю искушения Гриши бесом Ройзман, не верующий в бога, рассказывал мне еще до того, как Гриша вошел в церковь, поздоровался и стал ждать поодаль.

Мы допили чай, попрощались с батюшкой, и Гриша повел нас посмотреть пасеку. Пчелы были злые, в сотах уже был мед. Гриша сказал мне, что в присутствии пчел нельзя курить. Я бросил сигарету. А Ройзман сказал:

— Надо хоть пару банок выгнать своего меда. Батюшке банку подарить.

Гриша кивнул. Это было простое, легко осуществимое и очевидно полезное задание. Мы шли к машине. Гриша чуть-чуть отстал и из-за спины сказал тихо:

— Евгений Вадимович, мне вроде получше становится.

— Конечно, получше, — отвечал Ройзман. — Должно становиться получше. Ты же лежишься, — мы прошли шаг, два, три, камешки скрипели под ногами. — А санки в сенах видел? Хорошие санки, старинные. Возьмите их с ребятами,

отремонтируйте как следует. Только без гвоздей и без проволоки. Из дерева вырежьте детали, которых не достает.

— Отремонтируем, Евгений Вадимович.

Это было еще одно простое и полезное задание, которое получил Гриша на тот случай, если опять явится бес. Бес явится искушать счастьем на четыре часа, а у тебя руки заняты, ты ремонтируешь санки.

— Да, Гриша, — сказал Ройзман, садясь в машину. — Арбузы тут захвати ребятам.

И мы уехали. У Ройзмана руки были заняты рулем, у меня — блокнотом для записей.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

ГЛАВА ВТОРАЯ

Восстание

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Простые и понятные действия, которые предлагалось совершить людям, собственно говоря, и прославили Ройзмана еще в сентябре 1999 года. Он был совсем молодой человек — тридцать пять лет. Красивый, крепкий и высокий — качество, которое почему-то особенно ценят женщины. Не то чтобы всерьез богатый, но вполне обеспеченный. Уральская страсть к кладоискательству успела уже обратиться у Ройзмана в весьма успешную ювелирную фирму. К тому же он коллекционировал невянскую икону и дружил с художниками-авангардистами, время от времени устраивал выставки, то современной живописи, то икон. Следовательно, дружил и с журналистами, потому что в Екатеринбурге конца 90-х не было новостей, кроме криминальных разборок, концертов местных рок-групп и выставок. Криминальные разборки устраивали все, концерты — много кто, выставки — только Ройзман. У него была запутанная личная жизнь, две женщины, между которыми непонятно было как разорваться и которые — не дружили, нет, — но относились друг к другу с сочувствием, дескать вот ведь и ее, бедняжку, угораздило полюбить этого парня. А этот парень довольно много времени проводил ни с той,

ни с этой. На работе, в спортивном зале, в кафе с товарищами. У его товарищей тоже была запутанная личная жизнь.

Товарищами в Екатеринбурге называются люди, которых не просто знаешь лично, не просто знаком с их женами и детьми, но еще и с родителями. Это много что меняет в отношениях. Потому что если, например, товарищ садится в тюрьму, ты не можешь просто отвернуться и забыть о нем. Ты каждый день встречаешься в булочной с его матерью и в спортивном зале с его отцом: «Здравствуйте, давайте я вам сумки поднесу. Ну, как там Дюша? Отпускают-то его когда?» Именно поэтому тюрьма на Урале куда менее пугает людей, чем в центральной России.

Товарищи Ройзмана были то, что называлось в 90-е годы «бизнесмены» — смесь предпринимателей и бандитов в той или иной пропорции. Государство дышало на ладан, правоохранительные органы сами были не в ладах с законом, вокруг крупных советских заводов складывались собственные поначалу охранные, а потом и криминальные структуры. Они владели территориями, и всякое новое предприятие, появлявшееся на территории, тоже подгребади под себя. Так что нельзя было иметь бизнес, не договорившись с бандитами. Но чтобы договор не был унижительным, нельзя было просто от бандитов откупаться, надо было приставить их как-то к делу, поручить им охрану что ли или взять у них кредит за долю в прибыли. Встретив бандитов в кафе, лучше было говорить им «привет», пожимать руки и называть по имени, чем замирать в страхе. Сам Ройзман бандитом, кажется, не был. Но конечно же толковал с бандитами по бизнесу, в спортивном зале занимался рядом с бандитскими боевиками, а встретив серьезных бандитов — Трофу или Александра Хабарова, — здоровался уважительно,

хотя бы из почтения к возрасту, им было за сорок. И Хабаров к тому же долгое время на Уралмаше неподалеку от дома, где вырос Ройзман, работал директором спортивной школы. Но сам Ройзман, кажется, бандитом не был.

А вот рыжий Дюша бандитом был. Он был бандитом и наркоманом и, похоже, именно наркотики не дали Андрею Кабанову сделать серьезную бандитскую карьеру. А когда в 94 году он переломался и бросил героин — это, а не криминальная карьера стало смыслом его жизни. Так бывает с наркоманами: избавившись от зависимости, они очень часто только о том и думают, чтобы избавить от зависимости весь мир. Некоторое время Дюша еще выполнял какие-то криминальные поручения, «грел» какие-то зоны, возил какие-то передачи то ли Деду Хасану, то ли от Деда Хасана (из его теперешних рассказов толком не поймешь), но все его мысли уже тогда заняты были не криминальным разделом рынков, а борьбой с наркотиками.

Даже оказавшись в тюрьме ненадолго, даже когда к нему в камеру пришел высокий милицейский чин, Дюша не стал говорить «по делу», а сказал: «Героин идет. Как вы будете его останавливать?» Высокий милицейский чин только махнул рукою. Дескать, героин — наркотик дорогой и никогда не станет массовым. И оказался неправ: не прошло и пяти лет, как героиновая фитюля, то есть доза для начинающего, стоила в Екатеринбурге всего сорок рублей — дешевле водки.

Вы спросите, что делал высокий милицейский чин в камере у рыжего Дюши? Я же говорю — пришел «поговорить по делу». Говорю же — правоохранительные органы сами были не в ладах с законом. В самом начале этой истории отдайте себе отчет в том, что милиция мало чем отличается

от криминальной группировки — те же бандиты, только в погонах.

Летом 1999 года рыжий Дюша сидел целыми днями в кафе «Монетка» на Плотинке. Плотинка — так называется район Екатеринбурга, примыкающий к набережной и плотине на реке Исеть. В память о былых заслугах у Дюши были небольшие доли в нескольких предприятиях и необременительные должности. Ему не надо было работать, да он и не умел работать регулярно. Но трезвость и невыносимый избыток сил человека, бросившего наркотики, не давали Дюше покоя. По утрам он пробегал кросс десять километров, а потом шел в кафе. Именно в «Монетку», потому что вместо привычного бильярда там стоял теннисный стол. Дюша изнурил себя пинг-понгом, общался с людьми, заходившими пообедать, зазывал товарищей поиграть в пинг-понг, ждал вечера, когда даже и не игравшие в настольный теннис товарищи съезжались в «Монетку» поужинать.

Кафе в Екатеринбурге — это только одно название, что кафе. Московские кофе-туны и кофе-шопы не приживаются здесь. Никто не понимает, как это можно зайти в кафе просто на чашку кофе с мороженым. Раз уж зашел в кафе и сел за столик — надо как следует поесть. Если уж поел, надо поиграть в бильярд или вот в пинг-понг, поговорить с товарищами, выйти на улицу и посмотреть, какую один из них купил новую машину. Выходить к машинам в конце 90-х надо было еще и потому, что машины каждый день грабили, разбивали стекла и вытаскивали магнитолы. Грабили, как правило, наркоманы. Охранники ловили их, били смертным боем, но те все равно грабили. Так что лучше было стоять возле машин.

Несколько месяцев Дюша был свидетелем целой общественной кампании, которую развернули его товарищи

против епископа Екатеринбургского и Верхотурского Никона. Свидетелем, но не участником. Никона обвиняли в казнокрадстве и чуть ли не в педофилии, устраивали демонстрации, писали коллективные письма. Но Дюша, который, чтобы бросить наркотики, обратился не только к спорту, но и к православию, не мог понять, как это — выступать против владыки. И потому не участвовал. А когда патриарх все же сместил Никона и отправил на покаяние, когда арестовали в Невьянске целый вагон церковной утвари, вроде бы Никоном украденной, Дюше стало жаль, что не принимал участия в таком полезном и богоугодном деле. Товарищи праздновали победу, ощущали себя значимой общественной силой, а Дюше только и оставалось, что признавать собственную неправоту и оправдываться — дескать, невозможно же было поверить, что владыка казнокрад и развратник.

А у них горели глаза. С обсуждения церковных дел они нет-нет да и перескакивали на выдумывание новых важных общественных миссий. Может, дорогами займемся? (Дороги были ужасные.) Может, музей современного искусства откроем? (Это Ройзман говорил.) Может, музей невянской иконы? (Это тоже Ройзман, но как-то не будоражила молодых предпринимателей идея открыть музей.) Может, с фашистами что-то? С уличной преступностью, а? Нет, с уличной преступностью — нет, это же наркоманы воруют. Магнитолы из машин, меховые береты у женщин. Утром воруют, когда потемну женщина ведет ребенка в детский садик. Срывают берет. Она же не побежит догонять, не бросит же ребенка в темноте. Но остановить как? Это же наркоманы. Я уже устал их бить. (Это Ройзман сказал.) Больные люди, что сделаешь?

И тут Дюша произнес фразу, которая позволит действовать. Перевел разговор из медицинской плоскости в деловую:

— Что? Больные люди? Это ты мне говоришь? Я одиннадцать лет кололся. Наркоман — это скотина, понимаешь? Я был скотина последняя, а не больной человек. Воровать, грабить, убивать, друзей предавать, родителей в гроб загонять, а самому кайфовать — нет такой болезни! Ты мне рассказываешь?

В тот вечер в «Монетке» они так ни о чем и не договорились. Но еще через несколько дней в ресторане «Каменный мост» был банкет в честь победы над владыкой Никоном. Собрались журналисты, потому что почти все журналисты тогда участвовали в кампании против епископа. Среди прочих на банкете были Евгений Енин с 4-го телеканала и Андрей Санников с 10-го. Была ли журналистка Аксана Панова, никто не помнит — может быть, и была. На этом банкете Ройзман поднял тост:

— Давайте еще что-нибудь победим? Давайте фашизм победим или наркоманию?

Все загладели: нет, фашизм не надо, фашисты сами сдохнут, не тронь говно... Давай победим наркоманию. Чокнулись, выпили, повалили на улицу. И на улице встретили Игоря Варова, владельца нескольких торговых точек, приятеля Аксаны Пановой. Он сказал, что тоже хочет победить наркоманию, что у него даже есть благотворительный фонд «Город без наркотиков», что занимается его фонд антинаркотической пропагандой, брошюры печатает для старших школьников. Обнимались, орали — ну, теперь точно победим наркоманию. Но были все пьяные, так что про желание бороться с социальным злом забыли на следующее утро.

Забыли все, кроме Ройзмана. Во-первых, потому что Ройзман по спортивной своей привычке меньше всех пил. Во-вторых, потому что поговорка «Пацан сказал, пацан сделал» имеет в Екатеринбурге значение. И ведь это Ройзман сказал, что надо победить наркоманию. Ему никто не напомнил, но сам-то как забудешь?

На следующий после банкета день Ройзман познакомил Дюшу с журналистом Евгением Ениным и журналистом Андреем Санниковым. Или, может быть, еще до банкета познакомил, а после банкета стал поторапливать. Так или иначе, Дюша загорелся идеей рассказать по телевизору о наркотиках всю правду. С журналистами он готовил телевизионные передачи. По своей инициативе — советовался с умными людьми. С одним умным человеком. С Александром Хабаровым, лидером ОПС Уралмаш (расшифровать можно по-разному: Общественно-политический союз или Организованное преступное сообщество, чем и бравировали). Хабаров обещал поддержать. Что поддержать? Как поддержать? В подробности не вдавались, но Дюша произносил журналистам страшное слово «Хабаров», и журналисты понимали, что под их телекамеры попала вдруг жизнь, которую на пресс-конференции не выносят.

Дюша тоже немного бравировал знанием этой жизни. Во всяком случае, однажды он сказал Ройзману и Санникову:

— Вы хоть в цыганском поселке-то были?

Возможно, он сказал это, когда Ройзман и Санников принялись вспоминать, как учились вместе на историческом факультете Уральского университета. Тоже мне, профессора кислых щей!

— В цыганском поселке были? Видали, как героином торгуют? Поехали покажу, чо!

А Ройзмана хлебом не корми, дай только вскочить за руль и мчаться куда-нибудь.

Историю о том, что они увидели в августе 99-го в цыганском поселке, Ройзман рассказывал тысячу раз. В книжке своей «Город без наркотиков» он пишет большими буквами «СЛУШАЙТЕ ВНИМАТЕЛЬНО. Я РАССКАЗЫВАЮ ВАМ ТО, ЧТО ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ». И дальше текст, который почти слово в слово Ройзман будет повторять всем на свете журналистам: «Стоит милицейский уазик. На капоте порезанный ананас и открытая бутылка шампанского. Пэпээсники рядом. Один выворачивает карманы у какого-то нарка, двое других повели какую-то наркоманку в гаражи. На веранде накрытый стол. За столом Коля Резаный, Махмуд и офицеры-менты. Повар-таджик жарит им шашлыки. На улице сидит толстая цыганка. Торгует прямо с лотка. Возле нее постоянно несколько наркоманов. Покупают — и отходят. Рядом расстелен большой ковер. На ковре — хрустальные вазы, норковые “формовки”, какие-то магнитофоны. Скупка краденого. У колонки “отъезжает” какая-то девка. У нее передоз. Всем пофиг. Постоянное движение, и сотни, сотни, сотни наркоманов».

Почти каждое слово здесь нужно объяснять. Ананасы с шампанским — это символ сладкой жизни. В постсоветской России никто уж не помнил, что стихи Игоря Северянина, но на эти стихи исполнялась певцом Александром Новиковым заливчатская песня, и еще в каком-то фильме про белогвардейцев было — ананасы в шампанском. И с тех пор, какая бы грязь ни окружала постсоветского человека, какая бы ни нищета, сколь бы тревожным ни было будущее, он ставил на колченогий стол посреди фанерной своей дачки или рабочей своей каптерки неспелый ананас и дурное

крымское игристое — и пировал, воображая себя бог знает каким графом или бароном. А менты вот — на капоте уазика. У Северянина: «Кто-то здесь зацелован, там кого-то побили, ананасы в шампанском — это пульс вечеров». Был теплый августовский вечер. Выворачивание карманов нарка и влечение девки в гаражи вполне укладывались в северянинскую парадигму.

Пэпээсники — это сотрудники патрульно-постовой службы, рядовые милиционеры. Они выворачивали карманы нарку, чтобы отнять деньги, если тот только собирался покупать героин, или чтобы отнять сам героин, если уже купил и не успел употребить. Отнимали и продавали наркоторговцам, чтобы те продали наркоманам по второму разу.

«Повели наркоманку в гаражи» — это с целью торопливого соития: многие проститутки (у Северянина — «девушки нервные») и до сих пор взятки ментам платят своим телом.

Коля Резаный, он же Владимир Бардинов — это патриарх наркоторгового клана Бардиновых-Оглы. Был бы миллионером, кабы не пагубная страсть к игре, заставлявшая спускать все на рулетке и даже воровать у своих.

Махмуд — это Махмуд Оглы, сын Коли Резаного по кличке Диджей. Наркоторговец и домовладелец, одному из домов которого стараниями Ройзмана и его ребят вот уже совсем скоро предстояло быть снесенным. А в другом доме Махмуда Оглы предстояло быть пожару (Ройзман предпочитает слова «загорелся дом», хотя нечасто бывает, чтобы кирпичные дома загорались сами по себе). Махмуду предстояло смотреть, как горит его дом, отнимать микрофон у кого-то из журналистов, приехавших на пожар, танцевать в отчаянии и кричать в микрофон, что вот он, Махмуд, соберет,

дескать, пятьсот цыган и расстреляет Ройзмана. За этот та-нец ему и предстояло получить кличку Диджей. Но пока он ел шашлык с милицейскими офицерами.

А повар-таджик — это еще Ройзману предстояло узнать, как устроена таджикская диаспора. Очень послушные люди. Если старшие соплеменники, будь то члены правящей семьи, известные спортсмены или просто богатые люди, велют — надо слушаться. Велют работать на стройке — работают. Велют перевезти героин — перевозят. Велют жить в цыганском доме на положении рабов — живут в рабстве. Велют пожарить шашлык — жарят шашлык.

«Цыганка торгует с лотка» — это буквально. Героин буквально лежал на лотке, как конфеты или печенье, расфасованный «фитюльками» по одной десятой грамма. А плату принимала не только деньгами, но и ворованными вещами — хрустальными вазами, украденными из родительских квартир, магнитолами, украденными из автомобилей во дворе, и норковыми «формовками», то есть теми самыми вошедшими в моду норковыми беретами, которые по утрам, потемну срывались с голов женщин, ведущих детей в садик.

«Наркоманка у колонки» — понимаете, людям, перебравшим с наркотиками, нужна вода. Девушка, видимо, после инъекции почувствовала себя плохо, пошла к воде, напилась из уличной колонки, но все равно потеряла сознание. Выживет ли, умрет ли — здесь это никого не волновало.

Про колонку тоже нужно понимать, что это уличный водопровод. Цыганский поселок располагается посреди города, окружен многоэтажными домами, но сами его улицы состояются из деревенских домов, избушек без удобств. Гаражи, приусадебные участки, куры в пыли роются. То тут, то там среди избушек — кирпичные дома в три или четыре

этажа. Похожие на крепости цыганские героиновые особняки. Некоторые из них были построены даже не на участке каком-нибудь вместо снесенной избушки, а прямо посреди улицы, перегораживая улицу, превращая проезжую дорогу в тупик. Разумеется, без каких бы то ни было градостроительных разрешений и архитектурных согласований.

В тот вечер Ройзман, Кабанов и Санников, хоть и были потрясены увиденным, просто уехали из цыганского поселка. Но на следующий день Санников вернулся и возвращался с телевизионной камерой снова и снова в течение пары недель — прятался в строящихся и заброшенных домах, снимал наркоторговцев, прикормленных милиционеров, наркоманов, коловшихся прямо здесь, чтобы не идти домой с героином и не рисковать, что отнимут менты. Лежал в засаде, снимал, а его прикрывали курды — крепкие парни, у которых в те времена какие-то нелады были с цыганами и таджиками.

И наснимал на целую передачу для своего цикла «Земля Санникова». Эфир состоял из этих жутких хроник. Из звонков телезрителей испуганных и возмущенных: «Как может быть такое у нас в городе?» «Да-да, у нас то же самое в подъезде!» А Дюша Кабанов сидел в студии и рассказывал, как все устроено. Они заводили друг друга — Санников, Кабанов и телезрители по телефону. Гоняли по кругу одно и то же: сцены наркоторговли и коррупции, возмущенные звонки, Дюшины откровения про то, что наркоман — это животное, готовое убивать и грабить, лишь бы добыть вещество. Как? У нас в городе? А милиция куда смотрит? Да вот же она, милиция — в доле! У нас в городе? Животные! По кругу одно и то же, все злее, почти срываясь на крик. Пока Дюша, наконец, не сказал: